

ББК Ш5 (5К0)-335

Рецензенты:

Г. Е. Рачков

О. Л. Фишман

Уверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Никитина М. И.

Корейская поэзия XVI—XIX вв. в жанре сиджо: (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время).— СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1994, 312 с.

В работе рассматривается картина мира, отраженная в сиджо, самом популярном жанре традиционной корейской поэзии на родном языке. В ее основе — роспись корпуса текстов стихотворений XVI—XIX вв. Выделяя статистически основные элементы мира в сиджо и выясняя связи между ними, автор устанавливает принципиальные черты пространства в сиджо и доказывает наличие в нем представлений о двух типах времени. Сопоставление характеристик элементарных поэтических образов, обеспеченных корейской и китайской лексикой, позволило сделать вывод о том, что они не взаимозаменяемы (т. е. не являются синонимами). В работе показано, что характер картины мира в сиджо, равно как и особенности поэтической образности, во многом определяются предшествующей поэтической традицией (хянга VI—X вв.). Высказывается предположение об актуальности выявленной картины мира и для соседних с корейской культур.

ISBN 5-85803-012-2

© М. И. Никитина, 1994

© Центр "Петербургское Востоковедение", 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию группы стихотворных произведений на корейском языке, именуемых «сиджо». *Сиджо* — общее название нескольких разновидностей поэтических форм, популярных в Корее на протяжении XV—XIX вв.¹ Их расцвет приходится на XVI—XVII вв.

До наших дней дошло более трех тысяч стихотворений — авторских и анонимных. Они сохранились прежде всего в антологиях поэзии на корейском языке, создававшихся на протяжении XVIII—начала XX в. Наиболее известные из них — «Чхонгу ёнон» («Вечные слова Страны зеленых холмов», 1727), составленная Ким Чхонтхэком, «Хэдон каё» («Песни Страны, что к востоку от моря», 1763), которую собрал Ким Суджан, и «Кагок воллю» («Истоки песен»), созданная в XIX в. усилиями Ан Минёна и Пак Хёгвана². В 1958 г. была найдена еще одна антология, появившаяся, вероятно, в конце XVIII в. Она получила в наше время название «Пёнва кагок» («Напевы Пёнва») — по литературному псевдониму ее составителя Ли Хёнсана (1653—1733)³. Антология «Пёнва кагок» является самым значительным собранием: в ней содержится 1109 *сиджо*. Немало *сиджо* сохранилось и в авторских поэтических сборниках на родном языке, а также в собраниях сочинений деятелей корейской культуры, создававшихся на ханмуне — так называли в Корее язык старой китайской литературы, который вплоть до начала нашего века был официальным языком корейского государства.

Основной формой *сиджо*, самой ранней по происхождению и наиболее представительной количественно, является так называемое «короткое *сиджо*» или классическое *сиджо*. *Сиджо* пелись и в антологиях обычно размещались по типам мелодий. В связи с этим «короткое сиджо» носит также название «*сиджо* ровного тона» (*пхёнсиджо*). Это, по существу, особый жанр; его в работе мы будем называть просто *сиджо*. Стихотворение данного жанра содержит три строки, каждая из которых делится на два полустишия (что дает основание переводить стихотворение шестистишием). Полустишие состоит из двух стоп. Стопа в *сиджо* — смысловая единица, содержащая колеблющееся в известных пре-

делах количество слогов. За образцовую модель *сиджо* в корейском ведении принята следующая:

3	4	3	4
3	4	3	4
3	5	4	3 ⁴

При колебании количества слогов в стопах от одного до трех (при условии, что начальная стопа третьей строки, трехсложная, остается неизменной) и соответственно в полустихиях и строках количество слогов в стихотворении в целом тяготеет к 45⁵.

Несмотря на то что *сиджо* достаточно четко организовано метрически, окончательного ответа о характере его метрики до сих пор не найдено. Все предположения о силлабической, силлабогонимической и других системах вытекают из подсчета слогов и особенностей современного чтения дошедших до нас текстов стихотворений⁶. Между тем звуковой состав и акцентуация современного корейского языка отличаются от этих характеристик среднекорейского языка XIV–XV вв., времени возникновения жанра, и XVI–XVII вв. времени его расцвета. Так, гласные корейского языка в XV в. произносились под определенным тоном, что впоследствии развилось в различие гласных по долготе⁷.

Уровень звуковой организации стиха в *сиджо* очень высок. В произведениях этого жанра используются, произвольно сочетаясь в одном стихотворении, самые разнообразные рифмы, аллитерации, звукопись. При этом ни один из приемов звуковой организации стиха не является обязательным в *сиджо*. Звуковой уровень предоставляет большую свободу проявлению индивидуальности поэта. *Сиджо* в этом отношении не является исключением. Столь же высокую звуковую организацию имеют и некоторые произведения в жанре *позэм-каса*, развивавшемся одновременно с *сиджо*, например «Славию весну» Чон Гыгина (XV в.). Звуковое богатство *сиджо* наследует от поэзии предшествующих эпох — *кас* периода Корё (X–XIV вв.) и *хянга* времен Объединенного Силла (VII–X вв.), связанной с ритуалом⁸.

Жанр *сиджо* сложился на рубеже XIV–XV вв. на основе древних поэтических традиций, идущих от периода Силла, прежде всего «десятистрочных *хянга*»: *сиджо* повторило их тройственное деление, унаследовало особую роль третьей, заключительной части, внимание к звуковой организации стиха и т.д.⁹. В то же время *сиджо* принципиально новое явление в корейской культуре, порожденное новыми веяниями в духовной жизни Корен.

В конце XIV — начале XV в. в Корее произошла смена династий: место Корё, господствовавшей пять веков, заняла династия Ли, которой суждено было править с 1392 до 1910 г. Это событие явилось внешним показателем глубины социально-политических и экономических процессов, проходивших в недрах корейского феодального общества. Первая половина XV в. была временем

относительной стабилизации положения корейского государства, его военной мощи, периодом экономического и культурного расцвета, и эти тенденции давали о себе знать вплоть до конца столетия. XV век называют золотым веком корейской культуры.

Новая династия укрепляет свои политические и идеологические основы, пропагандируя неоконфуцианство — сунский вариант конфуцианского учения, интерпретированного в интересах авторитарного государства. Его влияние было особенно сильным в первые два века правления династии Ли. Однако культурные тенденции в этот период имели сложный и неоднозначный характер. В это же время возникает отчетливый импульс к национальному самоутверждению перед лицом Китая и как следствие этого — обращение к духовному наследию Силла. Он проявился прежде всего в сфере государственного ритуала и реализовался в создании собственного фонетического письма [386, с. 215–216].

Отмечается оживление внимания к национальной поэтической традиции и в области «околоритуальной», т.е. близкой государственному ритуалу, и в области индивидуального ритуала, с которым были связаны *сиджо* [376, с. 393–396; 38а, с. 13–18; 39а, с. 31–43].

Появление *сиджо* связано с драматическими событиями в истории страны. Смена династий на рубеже XIV–XV вв. расколола высшее сословие на сторонников дома Ли и его противников. Суровым испытанием для лучших его представителей оказалось и незаконное воцарение в 1456 г. Седжо, умертвившего своего малолетнего предшественника Танджона (1453–1455). Выступавшие против узурпатора были преданы пыткам и казни. В их числе оказались и выдающиеся ученые, создатели корейского фонетического письма: Пак Пхэннён (1417?–1456), Сон Саммун (1418–1456), Ли Гь (1417–1456). Представители интеллектуальной элиты корейского общества, а именно они были авторами *сиджо* в начальный период существования жанра, вовлеченные в политическую борьбу, нередко оказывались перед выбором, равнозначным выбору между жизнью и смертью. С такими ситуациями связано появление первых стихотворений жанра.

Традиция сохранила диалог — обмен *сиджо* на пиру между видным государственным деятелем второй половины XIV в., конфуцианским мыслителем Чон Монджу (1337–1392) и одним из представителей семейства Ли, предложившим Чон Монджу политический союз. Чон Монджу ответил категорическим отказом:

Пусть раз и два умрет в мученьях тело,
О, пусть оно и сотню раз умрет,
А кости в прах летучий превратятся;
Останется ль душа мне все равно;
Но преданное государю сердце
Не может измениться никогда.

Перевод А.А. Ахматовой

Вскоре он был убит. Его стихотворение до сих пор остается самым популярным из произведений жанра *сиджо*.

Сиджо рождались как реакция на конкретную политическую ситуацию, требовавшую недвусмысленной оценки, проявления четкой гражданской позиции. Для тех, кто оставался верным своему государю в «проигрышной ситуации», нравственным прибежищем оказались вековые культурные ценности. Так, *сиджо* Чон Монджу, по существу, воспроизводит формулу клятвы в верности «младшего» своему «старшему» периода Силла, дошедшую до нас в буддийской обработке в одной из *хянга* Кюнё (917—973) (см. об этом [39, с. 275—283]).

Однако длительное китайское, и прежде всего конфуцианское, воздействие сказалось на корейской поэзии на родном языке¹⁰. Конфуцианство принесло свой идеал высоконравственной личности подданного, верного принципам в любой ситуации (с которым в китайской традиции был соотнесен определенный набор образных выражений), идеал, наложившийся на древнекорейские представления о «младшем». Так, «младший» стал соотноситься с хвойным деревом — сосной, туей¹¹. Ср. *сиджо* Сон Саммуна:

Что после смерти станет со мной?
Хочу я стать сосною¹² на Пэнлае.
Поднявшись на высокую вершину,
Один я буду зеленеть в ту пору,
Когда холодный снег летит на землю
И в белое одето все вокруг!

Перевод А.Л. Жовтиса

Китайская поэтическая образность входит в *сиджо* на самом раннем этапе существования жанра, в основном, в связи с представлениями об идеальной конфуцианской личности.

Наряду с темой верности государю и — шире — своим принципам, которая звучала в *сиджо* вплоть до XIX в., в XV в. развивалась и патриотическая, порожденная победами корейского государства, расширившего и укреплявшего свои северные границы. Большой известностью пользовались *сиджо* военачальников Ким Джонсо (1390—1453), Нам И (1441—1468). Авторы *сиджо* вновь вернутся к этой теме, когда настанет время. Имджинская война (1592—1598) с Японией и маньчжурские нашествия 1627 и 1636 гг. отзовутся в *сиджо* национального героя Ли Сунсина (1545—1598) и стихотворениях неизвестных авторов.

В XV веке заявляет о себе и пейзажная тема. Ср. стихотворение Мэн Сасона (1359—1431):

Зима сковала воды озер и рек.
Вышал глубокий снег.
Соломенной шляпой накрылся наискосок,
Облачился в плащ травяной,
Не мерзну, согрет.
Государева милость равно и в этом со мной.

Перевод Н. Тимофеевой

На первых порах в соответствии с традициями, идущими от *хянга*, пейзаж в представлениях авторов *сиджо* неразрывно связан с личностью государя (см. об этом подробно [39, с. 15—59 и др.; 39а; 39б]). Эта связь будет отчетливо выражена и у некоторых авторов последующих столетий, например в циклах *сиджо* Ли Хвана (1501—1570), известного конфуцианского мыслителя, и Юн Сондо (1587—1671), выдающегося поэта. Ср. *сиджо* Ли Хвана:

Орхидеи в долине цветут,
Их вдыхать мне одно наслажденье;
Облака на вершинах лежат,
Видеть их мне одно наслажденье.
И среди этой земной красоты
Позабуду ли я государя?

Перевод А.А. Холодовича
под редакцией А.А. Ахматовой

Золотой век правления первых государей династии Ли длился недолго. Довольно скоро дали о себе знать кризисные явления бюрократизированного феодального общества, проявившиеся в крестьянских волнениях, в борьбе партий, раздиравшей высшее сословие на протяжении веков, ослаблявшей государство и подвергавшей опасности жизнь людей, состоявших на службе. Новая династия не принесла социальной и нравственной справедливости и не дала гарантий безопасности отдельной личности. Усиливаются «индивидуалистические» тенденции в корейском обществе, которое выработало для таких случаев особый идеал поведения и образа жизни — отшельничество, — как подсказанный опытом собственной культуры, так и навеянный китайской традицией. «Идеологической» его базой были даосизм и буддизм чаньского толка (кор. *сён*), получивший широкое распространение в Корее в XV—XVII вв. Бегство от мира становится чуть ли не массовым явлением. Расцветает пейзажная поэзия, носившая наименование «*канхо*» — поэзия «рек и озер». Одними из лучших поэтов этого направления были Син Хым (1566—1628) и Ким Гванук (1580—1656). Ср. *сиджо* Син Хыма:

Слышал — ночью сильный ливень шумел.
Вышел — все цветы граната раскрылись.
Блестит завеса из капель хрустальных
На ветках над лотосовым прудом.
И следа не осталось от мыслей печальных.
Отпустила тоска, на душе светло.

Перевод Н. Мальцевой

Или стихотворение Ким Гванука:

Горы и реки великий покой.
Неужто стану с кем-то делиться?
Каждой горою и каждой рекой
Владею — кто мне возразит?
Хозяин здесь я, пусть сочтут скупердяем —
И крохи не уступлю!

Перевод Н. Мальцевой

Обращение поэзии на родном языке к человеку вне «деловой» сферы, к его личным мыслям и чувствам неизбежно ведет к появлению интимной лирики. Она культивируется в XVI–XVII вв. преимущественно в творчестве певиц и танцовщиц *кисэн*, среди которых было немало образованных и талантливых поэтов Хван Джини (1506–1544), Сори, Куджи и др.

В XVI–XVII вв. круг поэтической образности в *сиджо* значительно расширяется — прежде всего за счет китайской, пришедшей из творчества Цюй Юаня, Тао Юаньмина, Ли Бо, Су Ши, Шао Юна и других поэтов Китая, которых хорошо знали и любили в Корее. Ср., например, одно из стихотворений цикла «Четыре времени года рыбака», принадлежащего Юн Сондо:

Солнце так ласково припекает,
Атласные волны, как масло, спокойны.
Вы рыбай! Выгребай!
Сети, что ли, забросить?
Или закинуть удочку?
Поднимай якорь! Поднимай якорь! Греби!
Рад, словно услышал «Песнь о чистой Цанланской воде»,
Где уж тут помнить о рыбе!

Перевод Н. Мальцевой

В этом стихотворении корейский поэт обращается к поэтической образности, навеянной произведением великого китайского поэта Цюй Юаня (340–278 гг. до н.э.) «Отец-рыбак» (подробно о творчестве Юн Сондо и об этом *сиджо* см. [396]).

Наивысшего своего развития жанр *сиджо* достиг в творчестве Юн Сондо. По мнению историков корейской литературы, уже XVIII век характеризуется прежде всего как период собирательства и издания антологий поэзии на родном языке.

В связи с общим культурным подъемом, развитием движения «Сирхак» («За реальные знания») в XVII–XVIII вв. и приобщением к литературной жизни средних и низших слоев общества поэзия на родном языке переходит в их руки. Главным образом их представители в это время собирают поэтические произведения на родном языке. Широкий размах приобретает исполнительская деятельность профессиональных певцов и музыкантов. Особую роль в эту пору играет содружество поэтов, руководимое Ким Чхонтхэком и Ким Суджаном (1690–?), получившее название «Кёнджонсан кадан» (букв. «Мир песен на горе Кёнджонсан»). Благодаря усилиям лидеров этого сообщества увидели свет две уже упоминавшиеся первые крупнейшие антологии корейской поэзии на родном языке («Вечные слова Страны зеленых холмов» и «Песни Страны, что к востоку от моря»).

В сущности, с их появлением началось научное изучение *сиджо*. Стихотворения были не только собраны, но и отобраны и обсуждены с текстологических позиций и с точки зрения их художественных достоинств. О творческой атмосфере, присущей сообществу поэтов, свидетельствует тот факт, что в основу своих антологий

Ким Чхонтхэк и Ким Суджан положили различные принципы распределения материала: Ким Чхонтхэк расположил стихи в соответствии с типом мелодий, Ким Суджан реализовал хронологический принцип. Расположение стихотворений в соответствии с ходом исторического времени объективно способствовало уяснению содержательной эволюции жанра. Подход, реализованный в «Песнях Страны, что к востоку от моря», облегчил исследование содержательной стороны жанра в дальнейшем. Обе антологии были снабжены предисловиями и послесловиями. Их характер свидетельствует о высоком уровне корейской филологической мысли XVIII в., который не был превзойден в XIX в.

В нашем столетии *сиджо* привлекает пристальное внимание науки уже более полувека. И это естественно: по общему признанию, именно данный жанр наряду с поэтическими произведениями корейской древности *хянга* — наилучшим образом представляет корейскую поэтическую традицию на родном языке. Литература о *сиджо* обширна. Не ставя перед собой задачу дать ее полный обзор, мы обратим внимание на главные направления в изучении этого жанра.

Основные исследования *сиджо* велись и ведутся в Корее. Корейская же культура не создавала поэтик, фиксировавших правила жанра: жанр хранила традиция. Поэтому исследователям, обратившимся к *сиджо* в нашем столетии, пришлось искать ответ на вопрос о метрических характеристиках жанра, уяснить его тематический диапазон, его истоки и т.д. Первые же работы к 20–30-м годам, по существу, наметили проблематику на ближайшие десятилетия. Обычно весь круг проблем и рассматривался в пределах статей или предисловия к сборнику избранных *сиджо*. При этом многое в них решалось на уровне достоверных, но частных наблюдений и интуитивных предположений¹³ (ср., например, вопрос об истоках жанра. См. сноску 9 настоящего раздела).

30–40-е годы отмечены усилиями исследователей в области издания и комментирования основных поэтических антологий XVIII–XIX вв. [60; 83; 77], которые привели к развитию текстологического направления в изучении *сиджо*. Этапным на этом пути явился «Сборник *сиджо* (полный)», подготовленный Син Мёнгюном и Ли Бёнги и вышедший в серии «Полное собрание корейской литературы» в Сеуле в 1941 г. [69]. В нем сведен воедино известный в то время текстовый материал, разбросанный по различным источникам, приведены краткие сведения об авторах *сиджо*, даны толкования трудных мест в текстах; издание снабжено алфавитным указателем стихотворений. Важным для науки моментом явилась предложенная авторами классификация поэтического материала. «Сборник» состоит из двух частей: в первой объединены авторские *сиджо*, расположенные хронологически, в соответствии с годами жизни поэтов, во второй собраны анонимные произведения, которые распределены в соответствии

с типом мелодий (поскольку их хронологическую последовательность установить практически невозможно).

В связи с освобождением Кореи от японской колониальной зависимости в 1945 г. исследования в области национальной поэтической традиции получили новый стимул. В это время наряду с текстологическим подходом к *сиджо* все более заявляет о себе подход филологический. Издаются сборники *сиджо*, содержащие извлечения из различных антологий, в которых тексты стихотворений снабжены обстоятельными филологическими и лингвистическими комментариями [68; 84]. Публикуются такого же рода работы, объектом которых является творчество отдельных выдающихся авторов, например Чон Чхоль (1537—1594) [73]. Выходят специальные исследования жизни и творчества отдельных поэтов, например Юн Сондо [64]. Появляются работы, в которых прослеживается история жанра в связи с общей историей корейской поэзии на родном языке [81; 85].

Освобождение Кореи повысило интерес к ее культуре и ее поэзии во внешнем мире. В различных странах появляются сборники переводов произведений классической корейской поэзии и работы, посвященные специально жанру *сиджо* [29; 29а; 29в; 104; 105; 35 36а; 98]. Прямым следствием усилий, направленных на осмысление поэтической формы *сиджо* и поиск соответствующих средств ее передачи в пределах европейских поэтических традиций, было внимание к метру, интонации, ударению, рифме и звукописи в *сиджо* [104; 36а; 102; 103].

В связи с расширением контактов с мировой наукой интерес к этим проблемам стали проявлять и корейские исследователи [86; 66; 75]. В ряде работ 50—60-х годов, посвященных общей характеристике жанра *сиджо* или корейской поэзии на родном языке в целом, ставится вопрос о поэтической образности *сиджо*, ее корнях, ее связях с национальной языковой стихией, высказываются ряд интересных предположений [84 и др.]. К сожалению, эти заявки почти не реализовались в специальных исследованиях, и к настоящему времени главенствующим в области изучения *сиджо* остается текстологическое направление, оживлению которого, несомненно, содействовало обнаружение в 1958 г. упомянутой антологии «Пёнва кагок». В рамках этого направления к 1972 г. были созданы две фундаментальные работы — «Полный свод *сиджо* всех поколений, выверенный по старым текстам» и «Текстологическое исследование *сиджо*», осуществленные Сим Джэваном. Им предшествовала «Энциклопедия литературы *сиджо*», подготовленная в 1966 г. Чон Бёнуком. Оба автора учитывают и материал антологии «Пёнва кагок». В трудах Сим Джэвана дается полная информация обо всех источниках текстов *сиджо*, учтены существующие разночтения, приведены таблицы и индексы — хронологические, алфавитные и пр., позволяющие получить исчерпывающие текстологические сведения о любом стихотворении,

авторе, источнике. В работе Чон Бёнука акцент делается на филологическом аспекте изучения *сиджо*: приводятся филологический и лингвистический комментарий к стихам, даются исходные контексты корейской поэтической образности китайского происхождения, подробные биографические справки об авторах, известные переводы *сиджо* на ханмун, выполненные в XV—XVIII вв., и т.д. Благодаря трудам этих авторов и их предшественников, прежде всего Син Мёнгюна и Ли Бёнги, произведения жанра *сиджо* сейчас очень хорошо изучены в текстологическом аспекте. На достаточно высоком уровне находится филологическое и лингвистическое толкование текстов. Эволюция жанра *сиджо* «включена» в общий контекст развития традиционной корейской литературы и истории, по крайней мере на описательном уровне.

Наши первые работы, посвященные *сиджо*, появившиеся в 50—60-е годы, как и работы европейских авторов, находились в прямой зависимости от состояния корейской науки в этой области, и прежде всего в вопросах тематики жанра, связей с породившей его эпохой и обстоятельствами биографий поэтов, его эволюции и т.д. [34—36]. Вместе с тем, опираясь на опыт отечественного литературоведения, нам удалось продвинуться вперед в изучении композиционных особенностей жанра (типы композиционной организации *сиджо* и их связь с народной песней), характеристики метрических единиц (стопа как смысловая единица и др.), связей стиха *сиджо* (полустушие) с пословицами, рифмы — как не обязательного, но осознанного приема, характера образности китайского происхождения (ориентированной на передачу «сущности», а не внешних признаков явления) и т.д. Предпринятое нами рассмотрение *сиджо* было достаточно всесторонним. В то время тема казалась, в общем, исчерпанной.

Мысль о возвращении к проблемам *сиджо* была подсказана нам книгой английского исследователя Р. Ратта «Введение в изучение *сиджо* жанра короткого корейского стихотворения», где, в частности, автор пишет:

«В октябре прошлого года на президентском пэгильджане (поэтическом турнире под открытым небом) в парке при Сонгюнгване [в Сеуле] было интересно сравнивать старцев, сочиняющих традиционные китайские стихи под дзелковами, и молодых людей, даже школьников, слагающих *сиджо* под соснами. Кроме того, обращало на себя внимание, что группа сочинителей *сиджо* была значительно меньше. Кажется, принято считать, что куда тяжелее написать хорошее *сиджо*, чем приемлемые китайские стихи (*люйши*, *шиллюй*). Я обнаружил то же самое и в провинции. Корея буквально кишит стариками, которые могут тут же экспромтом сочинить китайское стихотворение, но они говорят, что *сиджес*, несмотря на то что те пишутся по-корейски, сочинять тяжелее, потому что их смысл должен быть гораздо глубже» [104, с. 2].

Слова Р. Ратта явились неожиданностью, так как расходились с представлениями, которые сложились у нас в результате изучения этого жанра. В самом деле, *сиджо* — жанр короткого стихотворения — не связано с жесткими метрическими ограничениями, подразумевает максимальную свободу в использовании приемов звуковой организации стиха [38а, с. 12—13], круг тем его не так уж широк, поэтическая образность, в общем, стандартна. По единодушному утверждению историков корейской литературы, в XVI—XVIII вв. *сиджо* сочинял почти каждый образованный кореец; традиция эта не утрачена, она жива и сейчас. Казалось бы, налицо все условия для утверждения, обратного тому, что пишет Р. Ратт.

Слова Р. Ратта навели нас на мысль о том, что в корейском поэтическом сознании в течение первой половины нашего столетия произошли такие изменения, что активное владение традиционными поэтическими формами на родном языке стало крайне затруднительным. Они заставляют думать, что *сиджо* прошлого несет такую систему представлений о мире, которая сегодня неактуальна и воспроизвести которую автору второй половины XX в. сложно. (Это, естественно, не относится к корейской поэзии на ханмуне, которая, пребывая в условиях языковой изоляции, в гораздо меньшей степени подвержена веяниям времени.)

Отсюда перед нами возник вопрос, который в несколько утрированной форме может быть сформулирован следующим образом: что должен знать о *сиджо* тот автор, который сегодня собирается сочинять в этом жанре если и не «хорошие», то по крайней мере «приемлемые» стихи? При этом, очевидно, знание должно касаться семантики жанра, поскольку ни метрика, ни тематика и т.д. на него не отвечают. Переведенный из «бытовой» плоскости в научную, он может быть сформулирован иначе: какова картина мира, которую воспроизводило *сиджо*? По-видимому, ответ на него в значительной степени был бы также ответом и на вопрос о том, какова вообще была средневековая корейская картина мира, и помог бы понять некоторые принципиальные черты корейской духовной культуры в целом.

Настоящая работа, в сущности, и появилась в результате поисков ответа на этот вопрос. О ее логике, которая привела к определенному обращению с поэтическим материалом, мы постараемся рассказать подробнее. Исходя из того, что мир существует в пространстве и во времени, мы сузили рамки своей задачи и уточнили вопрос следующим образом: какой была пространственно-временная «сетка» мира в *сиджо*? Как известно, искусство и литература отражают мир, но не являются его фотографическим отражением. В поле зрения попадают определенные элементы реального мира, производится отбор. При этом акцентируются некоторые связи между ними, и они могут переосмысливаться и т.д.

Отсюда возникает следующий вопрос, а точнее — два: 1) ка-

кие элементы реального мира составляют основу пространства в *сиджо*, какие характеризуют время? 2) как они взаимосвязаны? В уточнение первого неизбежно появляется следующий: с какого элемента или группы элементов начинать изучение картины мира в *сиджо*? Что априорно имеет отношение к пространству и времени? Весь опыт культуры говорит о том, что начинать надо со светила: по ним изначально ориентировался человек в пространстве, по ним отсчитывал время. В нашем случае было разумнее всего обратиться сначала к «луне». На мысль об этом нас навели работы В.М. Алексеева по китайской поэзии, который отмечал особую роль луны в китайской культуре и отличие китайских представлений о ней от европейских [4, с. 334].

Предварительное ознакомление с *сиджо* показало, что этот элемент (луна) встречается в стихах данного жанра неоднократно и связан с различными ситуациями, которые при беглом рассмотрении не поддавались четкой группировке. Как же учесть материал, относящийся к этому элементу? Какое количество стихов, какой объем материала должен быть взят и как, по какому принципу его выбирать, чтобы выводы, которые получаются, могли считаться правомочными для жанра в целом? (Обследованию подвергнутся и другие элементы, пока еще неизвестные по количеству и составу, следовательно, материал должен быть как-то ограничен.)

В настоящее время насчитывается более двух тысяч *сиджо* конца XIV—XIX в., авторских и анонимных. Сплошное их исследование для нас было малореально: слишком велик объем работы. Поэтому мы ограничились только авторскими *сиджо*, исключив период становления и письменного оформления жанра (конец XIV—начало XVI в.), чтобы основываться на материале более однородном.

Математическая статистика, основанная на теории вероятностей, рекомендует случайную выборку. При всей совокупности однородных объектов, подлежащих изучению (именуемой «генеральной совокупностью»), стремящейся к бесконечности, рекомендуется выборка порядка нескольких сотен [7в, с. 155; 25а, с. 161—164]. В нашем случае «генеральная совокупность» также может быть понята как стремящаяся к бесконечности: как мы уже знаем, *сиджо* сочинялись почти каждым образованным корейцем XVI—XIX вв., их слагали государи, чиновники, *кисэн* — певицы и танцовщицы и т.д. Точное количество сочиненных во все времена стихов этого жанра неизвестно. Как показывает пример с антологией «Пёнва кагок», из того, что сейчас сохранилось более двух тысяч, в принципе не следует, что не будут обнаружены еще какие-то стихи, пока неизвестные. Таким образом, рекомендации статистики могут быть распространены на наш случай.

В нашем распоряжении имеется «Сборник *сиджо* (полный)», составленный Син Мёнгюном и Ли Бёнги. «Сборник» состоит из двух разделов: в первом собраны расположенные «по авторам»

в хронологическом порядке авторские *сиджо*, во втором — анонимные. Таким образом, в первой части сборника содержится готовая случайная выборка, проделанная историей. Сохранились не все *сиджо*, а учесть все обстоятельства, почему сохранилось или не сохранилось то или иное стихотворение, невозможно, тем более что в их числе есть и такие, которые никогда учтены быть не смогут. Следовательно, с точки зрения статистики это — случайная выборка. С точки же зрения поставленной нами задачи (рассмотреть авторские средневековые *сиджо*, исключив стихотворения начального периода) это — «генеральная совокупность».

Возник вопрос: делать ли выборку из этой «генеральной совокупности» или рассматривать ее всю? Если рассматривать всю, потребуется большой объем работы. Если делать выборку, получится меньшая достоверность выводов. Учитывая, что объем всей совокупности не превышает объем выборки, рекомендуемой математической статистикой (несколько сотен) для получения наиболее достоверного результата, мы решили проанализировать всю совокупность. Ее составили 750 авторских *сиджо* второй половины XVI–XIX в. Для удобства точкой отсчета было взято стихотворение № 201 «Сборника».

Тексты стихотворений были расписаны. Был составлен словарь, впоследствии преобразованный в словарь частей речи. Карточка словаря содержит сведения о значении слова, указание на текст стихотворения, в котором оно встретилось, и на количество раз, которое это слово встретилось в рассмотренных текстах. На каждое из 750 стихотворений была сделана отдельная выписка, куда были занесены текст стихотворения, перевод, комментарий. Каждая выписка имела свой номер, соответствующий номеру стихотворения в «Сборнике», который и отражался в карточках словаря.

Возвратимся к «луне». Как дальше шла работа? Из картотеки были выбраны все карточки со словами, обозначающими понятие «луна» (в «чистом виде» или с различными модификациями), и на основании данных, зафиксированных в карточках, были выбраны соответствующие выписки. Рассмотрев выписки на элемент («луна»), мы пришли к решению анализировать его «поэтапно»: на первом этапе дать общий обзор элемента, описать его «на тематическом уровне» так, каким он представляется, если не вникать специально в характеристики конкретного его лексического выражения; на втором этапе перейти к рассмотрению «количественных» характеристик.

Основная роль на этом этапе отведена таблицам. Таблица, как правило, составлялась на каждое слово, если примеров на него 10 и более; если же примеров на слово меньше, в таблицу могли сводиться несколько слов, объединенных по тому или иному признаку. Графы в таблице для каждого слова (в некоторых случаях — для сочетания двух слов) или словосочетания, представляющего рассматриваемый элемент, различны, за исключени-

ем первой, содержащей порядковый номер выписки. Количество граф в таблице и их наименование определялись при предварительном описании элемента, т.е. на первом этапе.

Ими могли быть функция в предложении, глагол, характер движения, направление движения, позиция в пространстве, время суток, время года, отношение к вечности, цвет, параллельный образ и т.д. (все это — в зависимости от характера элемента, специфики лексического выражения и пр.). Результаты таблиц соотносились друг с другом, сопоставлялись характеристики того или иного рассматриваемого слова.

В ходе работы с таблицами выявилась необходимость перехода от лингвистической терминологии при обозначении основной, исходной единицы поэтического языка *сиджо* к литературоведческой. Учитывая малую изученность проблемы соотносительности слова как явления языка и слова как носителя художественной субстанции, мы избрали для себя «практическое» решение, воспользовавшись терминологией, предложенной в работе В.Н. Топорова «К анализу нескольких поэтических текстов» [46, 107, 115]. Вместо «слова», «словосочетания», призванных обозначить слово, словосочетание как явление языка, мы употребляем термин «элементарный образ». «Элементарный образ» в нашей работе выступает как единица плана содержания («кусочек смысла»), бо́льшая, чем слово, и иногда могущая совпадать со словом (он обычно равен существительному, реже — сочетанию прилагательного и существительного или существительного и существительного).

На втором этапе нам пришлось учитывать следующее обстоятельство: в корейском языке много китайских лексических заимствований, и *сиджо* отразило эту тенденцию. Поэтому соответствующие разделы глав, как правило, имеют два подраздела: «Слова и словосочетания корейского происхождения» и «Слова и словосочетания китайского происхождения». Каждая такая лексическая совокупность (корейская и китайская лексика), характеризующая в сумме определенный элемент мира в *сиджо*, условно обозначена в работе как «семантический узел» или «семантический комплекс». Отсюда иерархия основной терминологии в работе: «элементарный образ» — «семантический комплекс». (Далее эти термины будут употребляться без кавычек.)

Установив характеристики каждого элементарного образа на основании таблиц, мы сопоставили характеристики образности, представленной корейской лексикой, и образности, обеспеченной китайской лексикой. При этом обнаружилось, что при некоторых общих принципиальных чертах они имеют различные характеристики (различную связь с движением, цветом, активным действием и т.д.). Даже в тех случаях, когда есть, казалось бы, абсолютные кальки, характеристики образности все же отличаются: корейский образ не взаимозаменяем с китайским. Они не

синонимичны. Исключение — некоторые виды птиц.

Рассмотрев «луну» на первом, предварительном уровне и на втором — уже с помощью статистического подхода к материалу, мы в конце главы делаем общее заключение о данном элементе мира в *сиджо*, формулируя его пространственные и временные характеристики.

Следующим элементом мира в работе идет «солнце». Это было подсказано не текстами *сиджо*, где луна и солнце в одном стихотворении встречаются редко, а общими, универсальными культурными представлениями об оппозиции этих светил.

Вслед за «солнцем» были рассмотрены прочие светила, которые представлены в небольшой главе «Звезды».

Далее мы объединили «луну», «солнце» и «звезды» в общую группу «светил» и рассмотрели их в совокупности, сопоставив их пространственные и временные характеристики.

Естественным далее было обращение к «небу» и «облакам», которые были рассмотрены по той же схеме.

После этого мы обратились к картотеке и установили, какие земные объекты чаще всего встречаются в *сиджо*. Ими оказались «гора», «вода», «цветы», «птицы». «Гора», «вода» вместе с «небом» и «облаками» были объединены в общую группу «стихии и рельеф». Сюда же была введена и «сосна», статистически представленная менее предшествующих элементов, однако играющая очень большую роль в организации пространства в *сиджо*. На основании характеристик, полученных в части работы «Стихии и рельеф», рассмотренных в сопоставлении с характеристиками элементов мира, полученными в части I «Светила», мы установили общие черты пространства в *сиджо*.

Рассмотрение «птиц» и «цветов» позволило сделать предварительные выводы о наличии двух типов времени в *сиджо*, которые затем были подтверждены при рассмотрении лексики, непосредственно связанной со временем: времена года, суток и т.д.

В заключение мы обращаем внимание на закономерность набора элементов мира (комплексов) в *сиджо*, а также на обусловленность характера пространства и времени в *сиджо* памятью культуры. Высказав предположение, что черты картины мира, которую несет *сиджо*, могут в значительной мере совпадать с чертами общей традиционной картины мира, мы обращаем внимание на возможность ее сходства с картиной мира, которая моделируется древней и средневековой литературой других стран Дальнего Востока.

Поскольку нашей задачей было выяснить определенные закономерности, присущие жанру в целом, мы не останавливались специально на характеристике творчества отдельных авторов. Однако в ходе работы, выясняя «среднестатистические» закономерности, мы часто сталкивались с отклонением от нормы. Эти

отклонения, как правило, наблюдались в стихотворениях выдающегося мастера *сиджо* — Юн Сондо. Перефразируя слова С.С. Аверинцева, сказанные им в свое время о Плутархе, можно утверждать, что эти отклонения позволяют проследить контур индивидуальности Юн Сондо, отделяющий его от фона, поскольку, «чтобы измерить движение, надо иметь точку отсчета; для определения литературной инициативы такой точкой отсчета является данность жанровой традиции» [1а, с. 11].

В настоящей работе мы устанавливаем данность жанровой традиции, а это дает точку отсчета, позволяющую определить степень творческой индивидуальности не только такого яркого поэта, как Юн Сондо, но и других авторов, которые в меньшей степени, чем он, нарушали традиции жанра.

Наша работа была завершена к 1974 г. Однако в шок неожиданными оказались полученные результаты. Наличие двух типов времени, особенности пространства, сам набор элементов, их иерархия и т.д. — все это требовало объяснения в рамках той культурной традиции, которая породила *сиджо*. Дорога явно вела к *хянга*, к древней корейской культуре. К сожалению, состояние изученности древнекорейской духовной культуры периода Объединенного Силла и самих *хянга* не позволило нам воспользоваться плодами чужих трудов для осмысления *сиджо*. Нам пришлось обратиться к *хянга* и к тому кругу представлений в древнекорейской культуре, с которыми они были связаны, и исследовать их. Закончив эту работу (опубликованную в 1982 г. в виде книги «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом»), мы обнаружили, что почти всем загадкам *сиджо* находится объяснение в древнекорейской поэтической традиции, которая была тесно связана с ритуалом, и что «связь времен» можно соединить.

Возвратившись вновь к нашему исследованию семантической структуры жанра *сиджо*, мы лишь незначительно изменили предисловие. Добавим, что все это время, продолжая изучать *сиджо* [37б; 37г; 38; 39а; 39б], мы не сталкивались с такими поэтическими фактами, которые противоречили бы выводам, сделанным нами в ходе исследования избранной группы текстов. Это позволяет надеяться, что нам удалось выявить некоторые существенные закономерности представлений о мире, свойственные не только *сиджо*, но и корейской традиционной культуре в целом.

Во время работы над книгой мы получали помощь и дружескую поддержку А. С. Мартынова, В. П. Никитина, В. Э. Скилленда, О. Л. Финцман. Всем им — наша глубокая благодарность.